
Лидия *НОВИКОВА*,
Ирина *СИЗЕМСКАЯ*

Идейные истоки русского либерализма

Сегодняшнее состояние хаоса, когда разрушены или дискредитировали себя многие социальные, экономические и политические структуры, обеспечивавшие до недавнего времени худо-бедно стабильность общества, имеет определенный «негативно-позитивный» смысл. В иррациональном движении «в никуда» открывается веер альтернативных вариантов развития России. Не случайно наше время буквально перенасыщено всевозможными прогнозами, пророчествами, проектами будущего. Естественно, что в ходе политической борьбы они принимают категорическую форму («иного не дано»).

Понятно, что в условиях общей дестабилизации прежних структур и неразвитости новых каждый вариант имеет не более чем альтернативно-вероятностный характер. Среди вербализованных моделей, обозначившихся на поверхности политической жизни, можно выделить следующие:

- перестройка социализма, имеющая целью воссоздание истинного социализма «с человеческим лицом»;
- развитие общества на базе «народного капитализма»;
- возрождение России, «которую мы потеряли», с ее символами — православием, самодержавием, народностью;
- модель цивилизации атлантического, постмодернистского типа;
- развитие России как единого евразийского государства на основе власти идеократии, представляющей «сокровенные чаяния народа»;
- этатистская модель со смешанной экономикой.

В веер этих альтернатив вписывается модель либерального развития общества. Она и побудила нас обратиться к истории и идейным истокам русского либерализма.

Либеральная модель развития России представляется конкурентоспособной и даже обладающей рядом преимуществ по сравнению с другими. Хотя и весьма уязвимой. Об этом следует сказать особо.

Прежде всего отметим, что, говоря о либеральной модели, мы не соотносим ее с программой какой-то определенной партии, но имеем в виду *тип социально-политического развития*, вписывающийся в некоторую парадигму, идейные установки которой имеют постоянное инвариантное ядро. В основе этой парадигмы лежит признание абсолютной ценности человека, приоритет свободы и интересов отдельной личности по отношению к обществу, предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований общественных структур методам радикальным, взрывным, революционным. Либерализм относится к революции как к акции, которая, разрушая элементы старого строя, не затрагивает при этом самой сущности любой государственной власти,

т. е. силы в чистом виде. В результате государственная власть проявляет себя еще более грубо, не будучи ограничиваема уже ничем.

В России либерализму как социально-политической идеологии не везло. Его развитие изначально приняло противоречивый характер. Он оказался «зажатым» между двумя противоборствующими направлениями: сильным реакционно-консервативным течением, отстаивающим незыблемость самодержавия, и революционно-демократическим, сделавшим ставку на насильственное революционное изменение социально-политического строя. В этом противостоянии представители первого течения видели в либерализме «красную крамолу», второго — соглашательство и оппортунизм. Раскол царил и внутри самого либерализма. Как подчеркнул Б. Чичерин, имело смысл говорить по крайней мере о трех видах либерализма: «уличном», либерализме охлократии, толпы, склонной к политическим скандалам; «*оппозиционному*», сопутствующем любым реформаторским начинаниям и обличающем осуществляющую их власть во всех действительных и мнимых ошибках; «*охранительном*» либерализме. Лишь последний несет в себе позитивный смысл и ориентирован на осуществление реформ. Его опорой является сильная власть, способная осуществить преобразования с учетом интересов всех заинтересованных сил и в соответствии с естественным ходом истории. «Охранительный» либерализм подвергался критике как со стороны революционных демократов, так и тех, кого Чичерин называл «оппозиционными» либералами.

Объективная оценка роли русского либерализма в общественной жизни России осложняется также прочными стереотипами марксистско-ленинской характеристики этого движения, канонизированными официальной идеологией. Проведенная В. Лениным жесткая демаркационная линия в отношении к историческому наследию (между революционно-демократическими и реакционно-монархическими силами, между Н. Чернышевским и В. Пуришкевичем) прочно вошла в советский менталитет, настроив его на манихейский, черно-белый лад, не оставляя места другим оттенкам социально-политического многоцветия, относя все их к серому цвету оппортунизма. В духе этого менталитета приверженность насильственным методам ниспровержения старого строя, идеалам революционного преобразования общества априори мыслилась как безусловно положительное, благое дело. Напротив, ориентация на реформы, стремление опереться на естественный процесс исторического развития оценивались сугубо негативно.

Заметим также, что в силу ряда обстоятельств объектом исследовательского интереса оказался так называемый «новый либерализм», связанный с буржуазным этапом развития либеральной мысли в России и с политической доктриной партии кадетов, а вернее, с борьбой Ленина и большевиков против организаторов этой партии — П. Струве, П. Милюкова, И. Петрункевича, А. Пошехонова, Д. Шаховского и других политических деятелей, причислявших себя к либеральному движению¹. Дворянский же либерализм, расцвет и наибольшее влияние которого падает на 50—70-е годы прошлого века, оказался попросту забытым, как бы даже и не существовавшим². Между тем именно он более полно выразил дух классического русского либерализма. Именно в его парадигме осуществлялось наиболее плодотворное развитие либеральной доктрины, внесшей ощутимый позитивный вклад в движение

¹ См. исследования Н. А. Балашовой, А. Я. Лавричева, В. Р. Лейкиной-Свирской, К. Ф. Шацилло.

² В порядке исключения можно назвать работы В. Зорькина «Чичерин» (М., 1981) и В. Кантора «К. Д. Кавелин» в кн. Кавелин К. Д. «Наш умственный строй» (М., 1989). Большой интерес к либерализму проявило русское зарубежье. В этой связи можно назвать относящееся к 60-м годам и остающееся на сегодня наиболее полным исследование В. В. Леонтовича «История либерализма в России. 1762—1914» (Париж, 1980).

западной либеральной мысли, на что, кстати говоря, не раз указывали западные исследователи. Этот этап либерализма связан с именами Т. Грановского, К. Кавелина, Б. Чичерина, А. Унковского, Н. Милютина, Л. Гейдена, Е. Трубецкого.

Итак, каковы идейные истоки русского либерализма?

Либерализм пришел в Россию в облици просвещенного абсолютизма. Его первым пропагандистом стала императрица Екатерина II, в записках которой еще до воцарения на престол имеются признания, ученически воспроизводящие принципы французского либерализма: «Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиноваться законам, но не рабам; хочу общей цели — сделать счастливыми (подданных), но вовсе не своенравия, не чудачества, не жестокости, которые не совместимы с ней»³. Эти идеи позже легли в основу известного «Наказа», написанного Екатериной для членов специальной комиссии по уложению законов⁴. По сути дела, «Наказ» представляет собой изложение широкой либеральной программы, касающейся всех сфер общественной жизнедеятельности, начиная от семьи и кончая экономикой, для которой Екатериной был сформулирован главный принцип либерализма — «не запрещать и не принуждать».

«Наказ» открывал двери в Россию либеральным идеям европейского Просвещения⁵. И хотя он не имел юридической силы, день издания «Наказа», по мнению одного из его исследователей, стал днем вступления русских в европейскую жизнь, днем приобщения к европейской цивилизации.

С «легкой руки» императрицы либерально-просветительские идеалы стали предметом публичного обсуждения в печати, в салонах, в кружках. Радикальное развитие они получили в трудах А. Радищева, прежде всего в его «Путешествии из Петербурга в Москву». Формально теоретические положения этой книги вполне вписывались в парадигму европейского либерализма в его радикальном руссоистском варианте. Но в отличие от императрицы Радищев ввел в русский либерализм новый источник — «проклятый русский вопрос» о крепостном состоянии крестьян. Это и делало книгу взрывоопасной.

В творчестве Радищева русский либерализм обрел черты достаточно последовательного социально-политического учения. Согласно советской философской традиции, от Радищева ведет свое начало революционно-демократическое течение русской общественной мысли. Такое мнение справедливо, однако, с учетом того, что идеи и политические требования мыслителя вполне вписываются и в контекст радикально-либеральных воззрений. Это свидетельствует о том, что русский либерализм имеет общие корни с революционно-демократической идеологией, и, как показала история его развития, границы между ними всегда оставались прозрачными.

³ Цит. по: Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1907, с. 14.

⁴ См. Екатерина. Наказ. В издании Чечулина. СПб., 1907. Издание содержит не только текст «Наказа» (на русском и французском языках), но и материалы с заметками и комментариями самой Екатерины.

⁵ Екатерина открыто признавалась в том, что свой «Наказ» писала под сильным влиянием идей Ш.-Л. Монтескье, однако из этого совсем не следует, что трактат представляет собой простую популяризацию идей французского мыслителя. Позволим в связи с этим сослаться на оценку «Наказа», сделанную таким авторитетным историком, как А. Кизеветтер, который считал, что трактат имеет самостоятельное значение в эволюции политических идей. Дословно выписывая из Монтескье, Екатерина подвергла его тексты своеобразной «шлифовке»; итогом стало обоснование политической доктрины о возможности соединения самодержавия монарха с законностью и правопорядком. Эта идея довольно быстро укоренилась на русской почве и легла в основу многих политических проектов XVIII—XIX веков. См. Кизеветтер А. А. Критические заметки по истории политических идей в России. В кн. «Научные труды Русского народного университета в Праге». Т. 1. Прага, 1928.

Восстание Пугачева, Французская революция, скорый и неправый суд над Радищевым и Н. Новиковым окончательно развеяли иллюзии относительно просвещенного абсолютизма. В этих условиях в рядах дворянской интеллигенции либеральные идеи, воспринятые от европейских учителей, подверглись интеллектуальной обработке и начали обретать вполне конкретное содержание, связанное с тогдашними условиями жизни российского общества.

Идея свободы как естественного состояния человека требовала определенных политических гарантий. В начале царствования Александра I молодые соратники царя пытались добиться таких гарантий легальным путем — на основе конституции. Исключительную роль в обосновании этой идеи сыграл М. Сперанский. Опираясь на теорию естественного права и критический анализ отечественного опыта неограниченной власти, воодушевленный «высочайшей поддержкой», Сперанский разработал применительно к российским условиям программу разделения властей. Он подчеркивал необходимость подчинения правосозидающей власти, сосредоточенной в лице монарха, существующему праву, соблюдение которого способна обеспечить только конституция, призванная гарантировать гражданские права человека.

Так в русской либеральной идеологии идея свободы была увязана с гражданскими и политическими правами человека. И хотя заигрывания царя с конституцией скоро прекратились, Сперанский был сослан, а вернувшись из ссылки, ввел свои социально-политические искания в верноподданническое русло, проблема взаимосвязи политических и гражданских свобод была поставлена. Идея о конституционном ограничении самодержавия была подхвачена, с одной стороны, аристократической олигархией, рассчитывающей с помощью конституции ограничить власть царя в свою пользу и закрепить привилегии, с другой — декабристами («Русская правда» П. Пестеля, «Конституция» Н. Муравьева), у которых она была доведена до крайних форм — насильственного ниспровержения самодержавия и замены его республиканским строем или революционной диктатурой.

Как это ни парадоксально, но именно в эпоху николаевской реакции и междуцарствия политические идеи либерализма обрели в стенах университетов свой социально-философский смысл. Обоснование его как особого направления социально-философской мысли падает на 50—70-е годы, с которыми обычно связывают развертывание полемики между двумя влиятельными идейными течениями — западничеством и славянофильством. Идеология либерализма стала своеобразной рефлексией по поводу западничества, которое благодаря этому поднялось до уровня социально-философской концепции. Со славянофильством же ее объединило положение о необходимости решения крестьянского вопроса. Идеологами нового этапа либерализма стали профессора и приват-доценты Московского и Петербургского университетов (прежде всего правоведы Кавелин и Чичерин).

Философскими источниками русского либерализма на этом этапе его развития выступили гегелевская философия права, методология государственной школы в объяснении российской истории и фритредерские теории политической экономии. Жизненными «нервами» либеральной идеологии стали вопросы: о свободе человека, об отношении к крепостничеству, об отношении к власти.

Вопрос о свободе человека развивался в традиционном для либерализма контексте обоснования и защиты свободной автономной личности и отношения к ней как цели исторического развития. Либерализм во всех своих проявлениях — это доктрина, отстаивающая свободу личности. Русский либерализм отстаивал это кредо, может, даже в большей мере,

чем западноевропейский. (На то были свои причины, связанные как с социально-экономическими и историческими особенностями развития России, так и с интеллектуальными традициями русской интеллигенции.)

Социально-философское основание названного тезиса составила историческая концепция, предложенная Кавелиным: «Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. ...Личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство,— есть необходимое условие всякого духовного развития народа»⁶. Из этого тезиса следовал не менее важный тезис: закон развития общества должен выражать «появление и рост личности». Этот закон в полной мере может быть отнесен и к России.

Отталкиваясь от полемики западников и славянофилов о путях развития России и Европы, Кавелин на материале истории России выдвинул и обосновал идею, которая впоследствии развилась в теорию родового быта России, ставшую основой особой школы русской историографии. Как бы соглашаясь со славянофилами, Кавелин признает, что историческое развитие России и Европы имело разные социальные основания: в России им первоначально был родовый быт. Однако со временем он был упразднен сначала семейным, а позже государственным началом. Появление государства в качестве объединяющей прогрессивной силы означало выход на историческую сцену личности, а самой России — «на путь общечеловеческого развития», главной движущей силой которого является личностное начало. Исторически этот момент был связан с эпохой Петра и его реформ. Древняя Русь, развив начала, которые были в ней скрыты, сделала все, что смогла и, исчерпав свое «историческое предназначение», прочно вступила на путь «общечеловеческого развития». Теперь ход ее истории начал совпадать с европейским движением.

Отстаивая этот взгляд, Кавелин, по существу, «снял» спор западников и славянофилов, отдавая должное тем и другим и предостерегая в равной степени как от пренебрежения «русским началом», так и от преувеличения роли последнего в новейшей истории: «и то и другое обнаруживает взгляд неисторический, следовательно, ложный»⁷. Таким образом, между Россией и Европой «вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один»⁸. При этом, утверждал Кавелин, входя в «жизнь общечеловеческую», мы остаемся теми же, что и были — русскими славянами.

Идея о решающей роли личности в общечеловеческом развитии и в истории России нового времени стала центральной и в творчестве Чичерина. Обоснованию ее он посвятил специальные исследования в области философии истории, государства и права. По оценке В. Зеньковского, «Чичерин явил в русской историософии и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности»⁹.

Следуя в общем метафизике и философии права Гегеля, Чичерин не соглашается с его тезисом о растворении личности в Абсолюте: последнее лишает ее свободы, снимает ответственность за содеянное. Только признание самоценности личности, считает Чичерин, позволяет обосновать абсолютное значение нравственных начал человека. Источник свободы не в Абсолюте, ибо свобода предполагает и возможность

6 Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989, с. 22. Первое изложение этих идей было предпринято Кавелиным в статье «Взгляд на юридический быт древней России», опубликованной в 1847 году в «Современнике».

7 Там же, с. 58.

8 Там же, с. 66.

9 Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2, ч. 1. Л., 1991.

уклониться от его законов. Смысл человеческой свободы — в возможности человека «возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и тем самым к сознанию своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя»¹⁰. Как носитель абсолютного начала человек сам по себе имеет абсолютное значение. И только в силу этого свойства он может быть признан свободным лицом, и именно поэтому с ним непозволительно обращаться как с простым орудием — средством достижения каких бы то ни было целей.

Тезис об абсолютной ценности человека стал незыблемым основанием русского либерализма, при том что различные частные его определения менялись в зависимости от теоретических пристрастий или политических ситуаций.

С изложенным пониманием роли личности в истории связаны либеральное понимание гражданской свободы и требование создания правового государственного порядка, в котором ценность общественных учреждений измеряется тем, в какой мере они защищают интересы отдельной личности. Развивая идеи свободы человека как носителя абсолютного начала, Чичерин обосновывает смысл права, не сводимого ни к общественному договору, ни к произволу законодателя, ибо в его основе лежат естественные права человека на жизнь, свободу и собственность¹¹. С защитой этих прав связаны главные требования либерализма в экономической сфере — высвобождение инициативы и духа предпринимательства от сковывающих их общественных установлений, незыблемость частной собственности.

Эти требования, закрепленные в системе законов, составляют то, что называют гражданскими свободами. Они не только устои цивилизованного общества, но и его высшая ценность. В основе естественного права заложена идея справедливости, «правды», а в основе законодательства — принцип равенства. Последний характеризует природу гражданского общества, в котором равные права применимы ко всем гражданам. Гражданское общество — это общество равных возможностей всех граждан. Посредством гражданского права оно гарантирует им равные права в достижении своих целей. Государство же вносит поправку в беспристрастно уравнивательные принципы гражданского общества, компенсируя реальное неравенство отдельных социальных групп, сословий, граждан и сглаживая противоречия между ними.

Политические свободы есть продолжение гражданских свобод, в определенном смысле их дополнение, но главное — их гарантия. «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям», — утверждал Кавелин¹². Гражданские свободы призваны обеспечить материальное благоденствие людей, освобождая их интеллект и дух для творчества и культурного созидания. Они же подготавливают народ к политическому представительству. Вот почему *всевозможные реформы следует начинать с реформ гражданского общества. Политические же изменения должны следовать за ними как обеспечивающие движение гражданского общества в выбранном направлении, они не должны предшествовать последним.* В противном случае возможны нарушения естественного хода вещей, чреватые разного рода конфликтами и катаклизмами.

Итак, основа гражданского общества — правовые законы, не сводимые

¹⁰ Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1901, с. 24.

¹¹ Эти права, как известно, впервые были сформулированы во французской Декларации прав гражданина и человека в 1789 году и с того времени стали общепризнанными для всех разновидностей либерализма, более того, определяли во все времена его политическую доктрину.

¹² Кавелин К. Д. Указ. соч., с. 153.

к роли инструмента политической власти. Ставя право выше государства, русские либералы были едины в этой позиции. Они были едины и в своем противостоянии всем формам правового позитивизма, ставящего политическую власть (одного лица или коллектива — неважно) над законом. Общей чертой русского либерализма было требование отделения права от политики, утверждение нормативного и аксеологического приоритета закона над политической свободой. Именно поэтому либералы, будучи в своем большинстве юристами и правоведами по образованию, в своей практической деятельности стремились к развитию правовой культуры и ее защите от чрезмерной политизации. Они защищали общество, в котором политика была бы ограничена рамками закона, вследствие чего политические решения не могли бы приниматься произвольно. Верховенство закона защищалось как высшая ценность среди принципов государственного устройства. С ним связывались гарантии действительной свободы человека.

Отношение к крепостному праву. Этот вопрос, начиная с Радищева, стал общим для либералов, славянофилов, революционных демократов и народников. Он сближал все прогрессивные силы России. Однако наиболее последовательную и продуктивную роль в постановке крестьянского вопроса сыграли именно либералы, которые в крепостном праве видели грубейшее нарушение естественного права человека на свободу. Заслугой либералов было и то, что они сумели «заразить» своими идеями даже радикальных славянофилов — Ю. Самарина, А. Кошелева — и крупных чиновников госаппарата — Я. Ростовцева, Н. и Д. Милютиных, В. Черкасского.

После поражения России в Крымской войне необходимость отмены крепостного права становилась очевидной даже для царя, высказавшего московскому дворянству соображение, что лучше освободить крестьян «сверху», чем они это сделают сами «снизу». И хотя правительство категорически запретило обсуждать крестьянский вопрос публично, «во избежание ненужного возбуждения умов», однако обсуждение его в той или иной форме приобретало все больший размах. В легальной демократической печати он фигурировал под кодовым наименованием «о разумном распределении экономических сил», обсуждался в университетских курсах и дискуссиях. С легкой руки М. Погодина получили распространение «самиздатские» записки, проекты, адреса. Но определяющую роль в придании крестьянскому вопросу гласности сыграла свободная печать А. Герцена — «Колокол» и особенно девять выпусков «Голосов из России».

Приоритет в освещении крестьянского вопроса в «Голосах» принадлежал либералам. В 3-ей книжке «Голосов из России» была впервые опубликована часть написанной в 1855 году и уже ходившей по рукам в России «Записки об освобождении крестьян» Кавелина. «Многие убеждены, что Россия по своим естественным условиям — одна из самых богатых стран в мире, — так начинает Кавелин свою Записку, — а между тем едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении и бедность была так равномерно распределена между всеми классами и народами»¹³. Крестьянский вопрос — краеугольный камень целого комплекса социальных проблем, требующих своего незамедлительного решения, чтобы вывести Россию из глубочайшего кризиса «на путь общечеловеческого развития». Нельзя не признать провидческими эти слова русского либерала. И сегодня, спустя более 100 лет после отмены крепостного права, они не устарели и весьма точно, на наш взгляд,

13 Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904, с. 6.

указывают на основную трудность реформирования российского общества и перспективу выхода из кризиса.

Близкую позицию в крестьянском вопросе занял Чичерин. Во 2-ой книжке «Голосов из России» была опубликована его статья «О крепостном состоянии», где он обращает внимание на роль государства, подчеркивая, что оно, будучи органом общества в целом, призвано корректировать исторический процесс, устраняя искусственные препятствия на его пути. Когда-то государство во имя блага целого общества, пишет Чичерин, пошло на закрепление всех сословий к своему делу, чем обеспечило его стабильность и бурный рост. Но со временем крепость сословных отношений стала препятствием на пути свободного общественного развития. Осознав это, Екатерина Великая освободила от крепости дворянство и купечество. Ныне со всей остротой встал вопрос об освобождении крестьян, ибо крепостная зависимость не только противоречит естественным правам человека, но уродует, деформирует весь общественный строй снизу доверху¹⁴. Так же, как и Кавелин, Чичерин ратовал за выход России на общечеловеческий путь общественного развития.

20 ноября 1857 года под давлением общественного мнения в атмосфере больших ожиданий появился царский рескрипт, в котором вопрос об отмене крепостного права был официально предан гласности. Реакцией на долгожданный рескрипт стал эмоциональный взрыв восторга одних и негодования других. Эйфория охватила даже таких радикалов, как Герцен и Чернышевский. Герцен выступил в «Колоколе» со специальной статьей с эпиграфом «Ты победил, Галилеянин!». «Имя Александра, — писал он, — принадлежит истории: если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розги, — все равно, начало освобождения сделано им, грядущие поколения этого не забудут! Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться. Нет, нет, пусть он довершит начатое — пусть полный венок закроет его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодействие закоснелых помещиков, их волчий вой — не опасны. Что они могут противопоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и общественное мнение?»¹⁵. К этому же времени относится статья Чернышевского, которая начинается словами: «Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующий государь император начал дело, с которым по своему величию и благотворности может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим»¹⁶.

Первым, обратившим внимание на роковые противоречия основ рескрипта, был ученик Грановского и Кавелина — предводитель тверского дворянства А. Унковский. Критически проанализировав основные положения документа, он сформулировал либеральную программу решения крестьянского вопроса¹⁷. Основное противоречие царского рескрипта, сводящего на нет все его благие заверения о необходимости улучшения крестьянского быта, Унковский усмотрел в придуманном (по-видимому, крепостниками) понятии «усадебная оседлость». Обязательный для крестьянина выкуп усадьбы (дом + двор) привязывал его к месту, не обеспечивая землей, необходимой для существования. Тем самым крестьянин попадал в полную зависимость от землевладельца, который мог

¹⁴ См. Голоса из России. Кн. II. Лондон, 1856, с. 130—131.

¹⁵ «Колокол», № 9, 15 февраля 1858.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта. «Современник», 1858, № 2, с. 393.

¹⁷ Записка А. Унковского, принятая в качестве официального документа большинством Тверского комитета, была опубликована в «Колоколе», № 39, 1 апреля 1859.

навязать ему либо новый вид барщины, либо аренду необходимой земли за произвольную цену, так как искусственно привязанный к усадьбе крестьянин не мог уйти на поиски лучшей доли. Мало этого, власть помещика над крестьянином закреплялась вотчинной полицией. Таким образом, если следовать духу и букве рескрипта, крестьянин, «освобожденный» от крепостной зависимости, которая все же включала и некоторые обязательства помещика по отношению к нему, оказался бы перед лицом полного произвола. «Объявить народ свободным, оставив его почти в той же неволе и не улучшая его быта, по нашему мнению, хуже, нежели оставить его в крепостной зависимости», — смело заключает Унковский по поводу высочайшего царского рескрипта¹⁸.

Унковский не только раскрыл основное противоречие рескрипта, но и сумел найти выход из скрытой в нем ловушки. Он дал расширительное толкование «усадьбной оседлости»: усадьба является центром надела, включающего пашню, выгон, покосы и т. п. Тем самым он вплотную подошел к идее хуторского хозяйства, реализовать которую позднее попытается А. Столыпин. Выкуп «усадьбы-надела» позволит полностью развязать крепостнические отношения, освободив крестьянина от крепостной зависимости передачей ему земли в полную собственность. Денежная же компенсация помещику за утрату части собственности позволит ему перевести свое хозяйство на новые — капиталистические — начала.

В своей программе Унковский исходит из основополагающей идеи либерализма о свободе личности, основанием и материальным обеспечением которой является частная собственность. Это важно подчеркнуть, потому что в марксистской социальной философии либералам инкриминировалось своекорыстие в признании незыблемости помещичьей собственности и вытекающей отсюда необходимости выкупа крестьянского надела. Но, заметим здесь, во-первых, положение о вознаграждении помещика за отчуждаемую от них в пользу крестьян наделную землю не оспаривалось в то время никем, в том числе и Герценом в его проекте освобождения крестьян, весьма близком по своему содержанию к проекту Унковского¹⁹ И, во-вторых, принцип незыблемости помещичьей собственности на землю соответствовал правовому статусу тогдашнего общества. Она была закреплена за помещиками Жалованной грамотой дворянству (1785) и признана обычным правом. Как разъяснял Ростовцев, возглавлявший на первом этапе всю работу редакционных комиссий, созданных для подготовки реформы, с точки зрения гражданского права вся задача реформы от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение права частной собственности, но как необходимость государственная и на основании государственного права реформа эта законна, священна и необходима. И с этим либералы, отстаивавшие примат права перед политикой, не могли не считаться, отмечая также, что, согласно обычному же праву, крестьянин прикреплен к земле, т. е. земля находится в его пользовании и отнять у него землю — значит лишить его средств к существованию, нарушить естественные права человека. Отсюда и вытекала идея выкупа.

Решительная и последовательная позиция Унковского и Тверского дворянского комитета, по мнению Ростовцева, спасла Россию от «гибельного потрясения», неизбежного при обезземеливании крестьян²⁰.

Позднее, когда Редакционные комиссии подготовили сводные проекты

¹⁸ Цит. по: Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894, с. 61.

¹⁹ См. «Колокол», 15 июня 1859.

²⁰ Цит. по: Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование Александра II. Т. 2. СПб., 1900, с. 231.

закона, Унковский еще раз выступил с их критическим анализом в «Соображениях по докладам Редакционных комиссий», напечатанных Герценом в последней, 9-ой книжке «Голосов из России». Здесь он подчеркивал, что крестьянский вопрос как ключевой в серии преобразований гражданского общества невозможно решить, пока сохраняется современная система управления, основанная на крепостном праве и пронизанная снизу доверху произволом. «Система... управления, или, лучше сказать, злоупотребления властью, по словам Унковского, так сильна и последовательна, что она покрывает собою всю Россию, не оставляя ни одного живого места для разумно свободной жизни. При этой системе нигде нет права и господствует один низкий, необузданный произвол, уважающий только деньги и общественное положение. При ней если и встречаются на службе благородные личности, то они ничего не могут сделать. При хорошем и дурном начальнике губернии идет за ничтожным изъятием один и тот же порядок. Дело в самой системе,— заключает он,— а не в ее применениях»²¹.

Таким образом, крестьянский вопрос в трудах либералов, независимо от того, идут ли они от теории или от практики, прочно увязан с вопросом о власти.

Отношение к власти. Теоретическим обоснованием отношения либералов к власти являются охарактеризованное выше понимание роли права в общественной жизни и связанная с этим идея правового государства, конкретизированная в русском либерализме в учении о компенсаторно-интегрирующей роли государства²². К тому, что об этой роли говорилось выше, необходимо добавить следующее.

Государство по природе своей есть сила, стоящая над классами и условиями. Оно создается для того, чтобы привести враждующие силы к согласию, чтобы над частным интересом возобладала идея общественного блага, чтобы само устремление к частным интересам служило достижению общественных целей. Государство есть высшая форма организованного человеческого общения, в определенном смысле его можно рассматривать как «страховой полис нации» (Чичерин). Но государство не может подменять гражданское общество, вмешиваться в частную жизнь граждан, регламентировать их экономическую деятельность, хотя и должно гарантировать свободу и условия предпринимательской практики. «Как и всякая экономическая деятельность, производство и накопление капитала,— писал Чичерин,— есть дело частное, а не государственное. В качестве охранителя права государство призвано только устанавливать общие для всех условия его приобретения и ограждать от посягательства со стороны других»²³.

Понятно, что решать эти задачи может только сильное государство, которое способно выступить на страже общественного блага в случае опасной «разбалансировки» гражданских интересов. Вот почему реформы должны осуществляться «сверху»: только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести их средствами, исключаящими произвол, нарушение законности, не говоря уже о революционном терроре.

В свете сказанного становится понятной позиция либерализма по отношению к самодержавию. Вопреки распространенным обвинениям либералы защищали не самодержавие, а сильное государство, которое в то историческое время могло быть, по их убеждению, только в форме

21 Голоса из России. Кн. 9. Лондон, 1860, с. 16—17.

22 Идея правового государства — это наиболее сильная и разработанная доктрина русского либерализма. Как оценивают западные исследователи, в частности А. Валицкий, учением о правовом государстве русский либерализм внес наиболее заметный вклад в философию права. См. Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. «Общественные науки и современность», 1991, № 1.

23 Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1990, с. 270.

исторически сложившейся монархии. Это убеждение основывалось на центральной идее либеральной концепции прогресса: прогресс состоит в развитии и совершенствовании исторически установившегося типа государственного устройства, а не в революционной замене его другим. Для ситуации 50—70-х годов России это означало предпочтение просвещенного абсолютизма революционной диктатуре. Что же касается правления Александра II, то он и его правительство в лице высших сановников государственной администрации вполне осознали необходимость радикальных реформ. Но, напомним, и подготовка, и проведение их проходили под сильным давлением как «справа», со стороны реакционеров-крепостников, так и «слева», со стороны революционеров различного толка. В этих условиях оптимальной была «охранительная» позиция; ее-то и заняли либералы, видя в правительстве, готовом провести реформу, «единственного европейца».

Именно по этой причине либерализм 50—70-х годов выступил против конституции, на которой настаивало аристократическое дворянство. Либералы защищали самодержавие, потому что не видели в конституции «конструктива».

Во-первых, основная масса населения России по причине ее забитости и культурной отсталости просто была не готова к конституционному порядку. В таких условиях государственное самоуправление было бы самообманом. «Общество должно сперва переродиться, чтоб политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие»²⁴. Там, где царствует невежество, где нет элементарных понятий о правильных гражданских отношениях, там не может быть действительной свободы и демократии.

Во-вторых, конституционализм, корни которого уходят в глубь российской истории, в борьбу боярской олигархии за свои исключительные права, в 60-е годы выступил под флагом дворянско-аристократической оппозиции самодержавию, рассчитывавшей таким путем компенсировать себе сословные привилегии за утрату крепостного права. Уверенные в том, что конституционализм в России 60—70-х годов мог быть только дворянским, т. е. направленным на защиту сословных интересов дворянства, либералы выступили против него. Отрицательное отношение к конституции, таким образом, диктовалось не столько идейными установками, сколько особенностями исторического момента.

В-третьих, самодержавие в союзе с частью просвещенной бюрократии представлялось той сильной верховной властью, которая способна была осуществить реформы и контролировать их ход на местах. В союзе с либерально настроенными членами правительства оно и в самом деле было реальной исторической силой. И все же противоречивость либеральных позиций в данном вопросе заключалась не в том, что либералы выступили против дворянской конституции, а в том, что они обратились за поддержкой к бюрократии, которая, решая задачу стабилизации самодержавия на пути реформ, оставалась плотью от плоти того же дворянства и не могла переступить за пределы его, а значит, и своих коренных интересов.

Отношение русского либерализма к трем важнейшим вопросам своего времени — к вопросу о свободе человека, крестьянскому вопросу и к вопросу о сильной государственной власти — стало основой либерального мировоззрения. С попытками — в теории и на практике — найти их решение связан весь этап дворянского либерализма. Мы рассмотрели его идейные истоки, специально акцентируя внимание на социально-философском содержании его доктрины потому, что эта сторона в

---

24 Кавелин К. Д. Наш умственный строй, с. 153.

отличие от социально-политической наименее известна советскому читателю, и потому, что именно в социально-философском содержании учения заключена сильная сторона русского либерализма. Нельзя не согласиться с Валицким, предлагающим относиться к русскому либерализму в первую очередь как к интеллектуальной традиции, оказавшей влияние на все развитие общественно-политической мысли России. *Либерализм — это черта русского интеллигентского сознания XIX века.*

В течение длительного времени своего существования русский либерализм — в отличие от европейского — не создавал своих организаций, хотя располагал для этого материальными средствами и кадрами. На это были свои причины. Одни из них связаны с ориентацией на деятельный контакт с самодержавием и просвещенной бюрократией, другие — с особенностями русской истории, в частности с тем, что партийная организация отождествлялась в общественном сознании с революционно-террористической деятельностью. Ситуация изменилась после земских съездов, прошедших в 1901—1902 годах, и организации «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» со своим печатным органом — журналом «Освобождение». «Союзы», объединившиеся через некоторое время, стали прообразом партии кадетов, положившей начало процессу партийного оформления либерального движения, а с ним и новому — буржуазному — этапу его исторического развития. Либерализм приобрел новую социальную базу и выдвинул новые идеи, связанные с именами П. Новгородцева, Л. Петражицкого, Б. Кистяковского. Некоторые из этих идей (правовой социализм Кистяковского) заметно повлияли на общественную мысль не только России, но и Европы. Но это тема для отдельного разговора.

В заключение необходимо заметить, что идейные поиски русского либерализма во многом созвучны той ситуации, которую сегодня переживает наше общество. Бесспорно, либеральная модель преобразований «схватывает» что-то очень существенное в ней. Накопленный за последние годы опыт перестроек и ломок различных общественных структур подтверждает истинность многих принципов либерализма, в частности тех, которые предостерегают о недопустимости отставания экономических реформ от политических преобразований, от забегания вперед в осуществлении политических свобод по отношению к гражданским, от «обвального» разрушения государственных структур. Бесспорна актуальность идеи о связи права и политики, как впрочем и всего комплекса вопросов, вытекающих из учения о правовом государстве. Однако либеральная модель есть не более как одна из возможных моделей. Либерализм — не единственное и оптимальное средство решения наших сегодняшних проблем. Немало в истории и опыте русского либерализма осталось предостережений будущим поколениям. Поэтому, видимо, не следует преувеличивать преимущества и конструктивный потенциал его модели общественного развития. В ее оценке лучше следовать собственному принципу либерализма — взвешенности и продуманности, оставляющим место для компромиссов с оппонентами.